

Новая эра геоэкономики: оценка взаимодействия экономического и политического рисков

Санджая Бару

Директор отдела геоэкономики и стратегии Международного института стратегических исследований (Великобритания).

I. Что такое геоэкономика?

Геоэкономика может быть определена двумя способами — как отношения между экономической политикой и как изменение национальной власти и геополитики, — иными словами, как геополитические последствия экономического явления или как экономические последствия и геополитические тенденции национальной власти. И понятие «торговля следует за флагом», что является экономическими последствиями проекции национальной власти, и идея, что «флаг следует за торговлей», что является геополитическими последствиями сущности экономических явлений, будут представлять собой предмет геоэкономики.

В любом случае, интеллектуальные корни геоэкономики уходят в XVII век Европы, в основном, во французский «меркантилизм». Военная погоня страны за рынками, ресурсами и слитками, чтобы иметь возможность «экспортировать больше и меньше импортировать, покупать дешево и продавать дорого» предшествует появлению современной экономики на основе идей свободной торговли и невмешательства. В то время как в XIX веке преобладали идеи «классической политической экономии», меркантилизм никогда не был похоронен и неоднократно поднимал голову, в межвоенный Европе 1920-х и 1930-х гг. и совсем недавно в Китае. В 1980 г. рост Японии вызвал ответ меркантилизма из Европы и Соединенных Штатов на основе страхов, что Япония фактически встала на путь меркантилизма. Совсем недавно кризисы в Европе и Северной Америке возродили скрытый меркантилизм, где многие обвинили Германию и Соединенные Штаты в проведении меркантилистской повестки дня.

В послевоенное время, с 1950 по 1990 гг., международная экономика и политика были отмечены конфликтом между идеями свободной торговли и либеральной демократии, с одной стороны, и интересами этатизма и авторитаризма с другой стороны, и несколькими странами, экспериментирующими сочетанием двух путей, где некоторые смешивали либеральную демократию с государственным капитализмом (как Индия), а другие смешивали свободное предпринимательство с военным или однопартийным правлением (как «азиатские тигры» и многие страны Латинской Америки).

Однако доминирующей парадигмой в этот период эпохи Холодной войны была та, в которой политика осталась главенствующей, а геополитика была обусловлена идеологическими, а не чисто экономическими факторами. Поэтому, не случайно, что три наиболее важные идеи, определяющие современную геοэкономику, были сформулированы во время, когда Холодная война была на грани прекращения или только что закончилась, и началась новая эра экономического соперничества между народами.

Первой важной артикуляцией современных геополитических последствий послевоенных экономических тенденций было изучение книги Пола Кеннеди «Взлет и падение великих держав» (1987 г.), где был сформулирован тезис об имперском перенапряжении и обращено внимание на финансовое и другие экономические ограничения на национальную власть и ее проекцию. Ее пророческий характер подчеркивается тем фактом, что она была написана в период, когда Холодная война еще официально не закончилась.

Как выразился Кеннеди: «...основные сдвиги в мировых военно-силовых балансах последовали за изменениями в производительных балансах; и далее, что рост и падение различных империй и государств в международной системе были подтверждены результатами основных великих войн за власть, где победа всегда на стороне с наибольшими материальными ресурсами»¹.

Второй важной артикуляцией идеи «геοэкономики» было эссе 1990 г. Эдварда Люттвака «От геополитики к геοэкономике: логика конфликта, грамматика торговли». Люттвак заметил, что: «все, оказывается, теперь соглашается, что методы торговли вытесняют военные методы — с одноразовым капиталом вместо огневой мощи, гражданскими инновациями вместо военно-технического прогресса и проникновением на рынок вместо гарнизонов и баз. Государства как пространственные объекты, структурированные ревностным разграничением своей территории, не исчезнут, но переориентируются на геοэкономику для того, чтобы компенсировать свои распадающиеся геополитические роли... «Геοэкономика» является лучшим термином, который я могу придумать для описания смеси логики конфликта с методами торговли».

Это был аргумент, который обратил внимание на зарождающийся неомеркантилизм эпохи Холодной войны, особенно со стороны Японии и архитекторов Европейского общего рынка, которые начали беспокоить Соединенные Штаты. «Логика конфликта» в «методах торговли» не была видна в искусстве государственного управления ни распадающегося Советского Союза, ни пока еще спящего Китая. Скорее, она была видна в агрессивных экспортных моделях роста Японии и азиатских тигров, и в создании Европейского экономического сообщества.

¹ Paul Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and to Military Conflict From 1500 2000*, Random House, New York, 1987, p. 439.

Более откровенной артикуляцией этой точки зрения стало в 1993 г. выступление Самуила Хантингтона. Его эссе «Почему международное верховенство имеет значение», расширяло утверждение Даниэла Белла о том, что экономика является продолжением войны другими средствами (1990 г.), и излагало смелую гипотезу:

«В ближайшие годы, основной конфликт интересов с участием США и крупных держав, вероятно, будет, скорее, по более экономическим вопросам. Экономическое первенство США в настоящее время оспаривается Японией и, вероятно, будут оспорено в будущем и Европой. Очевидно, что США, Япония и Европа имеют общие интересы в содействии экономическому развитию и международной торговле. Они также имеют, однако, более глубокие противоречивые интересы по распределению выгод и издержек экономического роста и распределения расходов на экономический застой или спад. Идея, что экономика в первую очередь — это игра с не нулевой суммой, является любимым тщеславием штатных ученых... Экономисты слепы к тому, что экономическая деятельность является источником власти, а также благополучия. Это, действительно, наверное, самый важный источник власти, и в мире, в котором военный конфликт между крупными государствами не желателен, экономическая власть будет играть все более важную роль в определении первенства или подчинения государств.

В области военной конкуренции, инструментами власти являются ракеты, самолеты, военные корабли, бомбы, танки и подразделения. В сфере экономической конкуренции инструментами власти являются эффективность производства, контроль за рынком, положительное сальдо торгового баланса, сильная валюта, валютные резервы, владение иностранными компаниями, заводы и технологии».

Конец Холодной войны, совпадающий с подъемом новой Японии сформировали мнение, что новая эра геоэкономики была не за горами¹.

Геоэкономика после Холодной войны

Распад Советского Союза был сам по себе самым важным «геоэкономическим» явлением в период после войны. Задолго до того, Советский Союз фактически растворил себя, экономическая основа для его растворения была заложена, и экономика России начала давать сбой. Мало кто из аналитиков на самом деле предсказал распад Советского Союза, и даже в конце 1987 г. Кеннеди суммировал результаты анализа парадокса Советского экономического спада и военного строительства таким образом: «это не означает, что СССР находится близко к

¹ См. Mark P. Thirlwell, 'The Return of Geo-economics: Globalisation and national Security', Lowy Institute for International Policy, September 2010. Available at: <http://www.lowyinstitute.org/Publication.asp?pid=1388>. Klaus Solberg Soilen, 'The shift from Geopolitics to geoeconomics and the failure of our modern Social Sciences' Electronic Research Archive of Blekinge Institute of Technology, <http://www.bth.se/fou/>; Michael D. Ward and Peter D. Hoff, 'Analysing Dependencies in Geoeconomics and Geopolitics', 2007.

краху, более того, его следует рассматривать как страну почти сверхъестественной мощи. Это значит, что она сталкивается с неудобным выбором... Это значит, что усилия и призывы по улучшению русской экономики будут усиливаться. Но так как маловероятно, что даже энергичный режим в Москве откажется от «научного социализма» для того, чтобы стимулировать экономику или резко сократить бремя расходов на оборону, и тем самым повлиять на военное ядро советского государства, перспективы ликвидации противоречий, с которыми столкнулись СССР, не очень понятны»¹.

Хотя мало кто оценил неизбежные геополитические последствия русского экономического спада, политические опасения, связанные с экономическим подъемом Японии сейчас выглядят преувеличенными. Хантингтон фактически предположил, что он назвал, «японской стратегией экономической максимизации власти», выявив пять источников такой власти: 1) Господство производителя — выбор в пользу экономической власти, а не благополучия; 2) Ориентация на промышленность — создание потенциала производства как для внутреннего пользования, так и для экспортного рынка, с акцентом на стратегические, высокие технологии и высокой добавленной стоимостью промышленности; 3) Разделение рынка, а не прибыли — преднамеренная стратегия инвестировать в убытки ради конечного господства промышленности; 4) Ограничение на импорт — установление барьеров на импорт и прямые иностранные инвестиции; и 5) Устойчивый профицит — построение валютных резервов на основе устойчивого положительного сальдо торгового баланса и вмешательства в валютные рынки с намерением поддержания сильной валюты.

Учитывая его озабоченность культурой и «конфликтом» между «цивилизациями», не было удивительным то, что у Хантингтона была смутная тревога при виде подъема Японии. Хантингтон цитирует соучредителя Sony Акио Морита, который сказал: «Мы будем иметь совершенно новую конфигурацию в расстановке сил в мире. Время никогда не вернется назад, когда Америка возвратит себе свое господство в промышленности». Япония была замечена в конце 1980 г., тогда как Китай в конце 2000-х гг. — как «нео-меркантильная» и «геоэкономическая» сила.

Европа ответила на японский «геоэкономический» вызов созданием европейского «единого рынка». Отчет Паоло Сеччини по «затратам на не-Европу» был написан на фоне растущей конкурентоспособности Японии и европейского страха потерять часть глобального рынка японских и американских компаний².

Интересно, что, несмотря на свой рост в качестве крупной экономической силы и второй по величине экономики в мире, Япония не превратилась в «геоэкономическую» власть, не сумев конвертировать свое новое экономическое

¹ Kennedy (1987), p. 513

² Paolo Cecchini, *The European Challenge*, 1992: The benefits of the Single Market, Wildwood House, 1988.

влияние в военную и политическую силу. Таким образом, японская инициатива сшивала воедино новую региональную группировку, Восточно-Азиатскую Экономическую Группу, хотя Малайзия не была в состоянии улучшить свое положение. В 1995 г. Япония предприняла согласованные ставки, чтобы обеспечить свое руководство в Международном Валютном Фонде (МВФ), спонсировав кандидатуру управляющего Банка Японии Тойо Гйохтена, но это не удалось. Это проводилось вместе с идеей создания Азиатского Валютного Фонда, что тоже было отвергнуто.

В то время как в 1988-90 гг. Япония рассматривалась как новый претендент на смену Европы и США, к середине 1990-х гг. стало ясно, что Япония по-прежнему не в состоянии преобразовать свою экономическую мощь в геополитическое могущество. Как выразился Тирвелл, вызов Японии быстро сошел на «нет». И, как предполагается, угроза конкурентоспособности со стороны Японии начала отступать, что стало достопримечательностью геоэкономики¹.

Воссоединение Германии, также являющееся следствием окончания Холодной войны, имело геоэкономические последствия с точки зрения расширения Европейского Союза (ЕС) и всплеска большей экономической и валютной интеграции в рамках ЕС. Однако из-за предварительной оккупации Германии и управлением этой воссоединения, там были ограничены геополитические последствия, так как и сама Германия была обеспокоена. Скорее, акцент был сделан на геоэкономической и геополитической роли ЕС в международных делах. Это контрастирует с тем, что происходит сейчас с финансовым кризисом в Европе, предлагая Германии большее геополитическое пространство. Вернемся к этой идее позже.

II. Геоэкономика азиатского финансового кризиса

Действительно важным геоэкономическим событием в период после окончания Холодной войны был «Азиатский финансовый кризис» 1997-98 гг. Этот кризис начался в Таиланде в летом 1997 г. со спекулятивных атак на таиландский бат. В течение нескольких месяцев она охватила несколько стран Юго-Восточной Азии и страны Восточной Азии, включая Индонезию и Южную Корею. Хотя МВФ ответил предсказуемо, как это было в Латинской Америке, России и Индии в начале 1990-х гг., Китай вышел, чтобы предложить поддержку и впоследствии использовать свою геоэкономическую власть. Таким образом, первый шаг Китая был в том, чтобы расширить кредитную линию для Таиланда и дать ему возможность защищать таиландский бат. После ночного перевода миллиарда долларов в Таиланд, Китай выделил дополнительные \$ 3,5 млрд. через МВФ другим азиатским странам. В последующие месяцы Китай заверил, что юань остается твердой

¹ Thirlwell (2011), p. 10

валютой, без изменения обменного курса, тогда как почти все другие азиатские валюты девальвировали.

Подводя итоги действий Китая в период кризиса, китайское Министерство иностранных дел заявило: «Чтобы избежать финансового кризиса, китайское правительство приняло ряд активных действий. В их числе: активное участие в организованных МВФ проектах помощи для некоторых азиатских стран. В результате финансового кризиса в 1997 г. китайское правительство предоставило Таиланду и другим странам Азии более чем 4 млрд. долларов США помощи в рамках МВФ или по двусторонним каналам. Было предложено Индонезии и другим странам экспортные кредиты и бесплатная неотложная медицинская помощь.

Китайское правительство с высоким чувством ответственности решило не девальвировать свой юань в общих интересах поддержания стабильности и развития в регионе. Это было сделано под огромным давлением и большой ценой. Но это внесло значительный вклад в финансовую и экономическую стабильность и развитие в Азии, в частности, и в мире в целом.

Придерживаясь своей политики не девальвации, китайское правительство проводит политику стимулирования внутреннего спроса и стимулирования экономического роста. Эта политика сыграла важную роль в обеспечении здорового и стабильного экономического роста в домашних условиях, ослабила давление на азиатскую экономику и привело ее к восстановлению. Китай активно участвовал и призывал к региональному и международному финансовому сотрудничеству соответствующие стороны»¹.

Платежный кризис последовал за банковским и финансовым кризисом, за которым последовал экономический спад, что имело внутривнутриполитические последствия для стран-участниц и геополитические последствия для Азии в целом.² Китай стал крупной державой-экспортером для «остального мира», но также и «импортером власти» в Азии. Изменяя так называемый паттерн «Летающих гусей» экспортно-ориентированной индустриализации в Азии, Китай стал экспортером для Запада, Северной Америки и Европы, и импортером в Азию — товаров, ресурсов, технологий и капитала.

К тому времени Китай вступил во Всемирную Торговую Организацию в 2001 г. при поддержке Соединенных Штатов, став крупной торговой державой и геоэкономической силой. Последующее десятилетие наблюдается превращение Китая в пожирателя ресурсов со своими геополитическими последствиями. Азиатский финансовый кризис, поэтому, способствовал росту Китая, так как дрогнули

¹ Pro-Active Policies by China in Response to Asian Financial Crisis, 17/11/2000. Ministry of Foreign Affairs, Beijing. Accessed at: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/ziliao/3602/3604/t18037.htm>

² См. Ch. 30, 'The Asian Economic Crisis and India's External Economic Relations', in Sanjaya Baru, *Strategic Consequences of India's Economic Performance*, Routledge, 2007.

оригинальные «азиатские тигры» и отстающие экономики региона стали все более зависимым от китайской экономики.

III. Геоэкономика трансатлантического финансового кризиса

В то время как азиатский финансовый кризис укрепил мощь Китая в Азии, трансатлантический финансовый кризис оказал влияние на консолидацию китайского могущества в глобальном масштабе, хотя это не привело к новой биполярности, названной G-2¹. Реструктуризация акционерных многосторонних финансовых институтов, особенно МВФ, создание новой региональной архитектуры в Азии через Многостороннюю Инициативу Чيانг Май и создание азиатского рынка облигаций — все это усиливало экономическую мощь Китая в глобальном масштабе.

Если Китай был геополитическим бенефициаром азиатского финансового кризиса, Германия стала геополитическим бенефициаром европейского долгового кризиса. Германия развернула свою экономическую и финансовую мощь в Европе чтобы приобрести политическую власть в Европе, так как она не имела ее в течение длительного времени. Кундани подводит краткий итог: «Концепция геоэкономики теперь кажется особенно полезной как способ описания внешней политики Германии, которая стала более охотно навязывать свои экономические предпочтения другим в рамках Европейского союза в контексте дискурса конкуренции с нулевой суммой между финансово ответственностью и финансовой безответственностью. Например, вместо того, чтобы поддержать умеренное повышение инфляции, которая может повредить глобальной конкурентоспособности ее экспорта, Германия настаивает на жесткой экономии в Еврозоне, хотя это подрывает способность роста государств на периферии и угрожает общей сплоченности Европейского Союза. С точки зрения Люттвака Германия практикует методы торговли в логике конфликта»².

И Китай, и Германия развернули политику валютного курса в качестве средства для повышения своей геоэкономической власти. Недооценка Китаем юаня широко рассматривается как меркантильное вмешательство. Тем не менее, лишь немногие прокомментировали жесткую позицию Германии по евро, которая бьет по некоторым европейским странам, так же, как валютная политика Китая больно бьет по их азиатским соседям, позволяя при этом Германии оставаться конкурентоспособной на мировом рынке. Неявным в валютной политике Китая и Германии является стратегия «разори соседа», которая помогла обеим странам

¹ Sanjaya Baru, 'India: Rising through the slowdown,' in Ashley J. Tellis, Andrew Marble and Travis Tanner, (Eds). Strategic Asia 2009–10: Economic Meltdown and Geopolitical Stability, National Bureau of Asian Research, Seattle, US. Accessed at: <http://www.nbr.org/publications/issue.aspx?id=186>

² Hans Kundnani, 'Germany as a Geo-economic Power', The Washington Quarterly, Summer 2001. p41. Accessed at: http://www.twq.com/11summer/docs/11summer_Kundnani.pdf

генерировать высокий профицит счета текущих операций, в то же время переложив бремя корректировки на соседние экономики.

И Китай, и Германия, похоже, преуспели там, где Японии этого не удалось, а именно, конвертировать свое экономическое влияние в региональное политическое, если не глобальное, влияние. Обе страны хорошо использовали региональный финансово-экономический кризис для того, чтобы сдвинуть региональный баланс сил в свою пользу. При этом они также перенесли глобальный баланс сил в свою пользу. Они являются геэкономическими силами нашего времени.

IV. Структурные сдвиги и экономические потрясения

Подъем Китая и других новых индустриализирующихся экономик Азии, а также рост других «стран с развивающейся экономикой», обозначает «структурный сдвиг» в очаге роста в мире экономики. Это представляет прочный геэкономический сдвиг, который уже имел, и будет продолжать иметь геополитические последствия, с сопутствующими политическими рисками и возможностями. Этот структурный сдвиг, однако, должен быть отделен от «экономических потрясений», таких как финансовый кризис или энергетический шок, которые могут иметь свои собственные геэкономические последствия, иногда ускоряя и подчеркивая структурные сдвиги, а иногда замедляя их.

Есть четыре долгосрочных фактора, способствующих более устойчивым структурным сдвигам в мировой экономике. Есть, таким образом, четыре существенных признака гео-экономической власти.

Во-первых, сила знания и демографический переход; во-вторых, аграрное преобразование и поиск ресурсов; в-третьих, социальная и политическая трансформация, особенно рост среднего класса и предпринимательского класса; наконец, финансовый потенциал для финансирования военного потенциала.

1. Империи будущего, как считал Уинстон Черчилль в 1946 г., будут империями ума. Знания, то есть человеческие способности, являются самым важным атрибутом власти в современном мире. Долгосрочные демографические сдвиги могут изменить динамику власти знаний и иметь как геэкономические, так и геополитические последствия. Снижение японской власти по отношению к Китаю, например, предписано в его демографической структуре. Так и подъем Индии. Долгосрочными демографическими сдвигами, если они сопровождаются инвестициями в человеческие возможности, можно сдвинуть границу производственных возможностей экономики в решающих направлениях. Страны, которые открыты для внутренней миграции, как и Соединенные Штаты, могут отвлечь последствия таких демографических сдвигов. Однако менее плюралистические и открытые общества могут оказаться в невыгодном положении, но имеют потенциал стать державами знаний.

2. Аграрное преобразование имеет несколько геэкономических последствий. Самое главное, это то, что оно ускоряет темпы экономического роста, способству-

ет развитию промышленности, а также помогает обеспечить продовольственную безопасность. Страны с гарантированным доступом к природным ресурсам имеют преимущество над теми, кто зависит от импорта жизненно важных ресурсов, особенно продуктов питания и энергоносителей.

3. Подъем городского среднего класса и предпринимательского класса является важным требованием для устойчивого и долгосрочного экономического роста. Экономические институты и управление являются критическими факторами, определяющими эти явления.

4. Финансовое расширение прав и возможностей государства, вследствие высоких темпов роста и улучшения управления, создает финансовые ресурсы, необходимые как для обеспечения и расходов на инфраструктуру, так и для строительства технологической и военной мощи¹.

Каждый из них является важным фактором, определяющим геэкономическую и геополитическую мощь страны. Это, однако, долгосрочные структурные факторы, и они не могут подвергаться колебаниям из года в год из-за способности стран решать эти проблемы. Долгосрочные прогнозы национальной власти должны быть основаны на вероятных тенденциях в каждом из этих явлений. Аналитики Китайской Академии Военных Наук уже давно пытаются измерить «комплексную мощь» на основе такого геэкономического явления, как внутренние экономические возможности и научно-технологический потенциал, социальное развитие, государственные возможности и так далее².

Хотя, помня о таких долгосрочных тенденциях, анализ экономической и политической власти, а также рисков, должны в любой момент времени быть основаны на ближнесрочной возможности стран по борьбе с «экономическими потрясениями», которые могли бы оказать влияние на эти долгосрочные тенденции. Финансовый кризис может иметь серьезные последствия для долгосрочного роста и всеобъемлющей национальной силы. Азиатские и трансатлантические финансовые кризисы, а также европейский долговой кризис, имели эффект либо ускорили или замедлили эти долгосрочные структурные сдвиги. Энергетический шок будет иметь такое же влияние на национальные возможности.

В попытке понять взаимосвязь между экономическим и политическим риском необходимо проводить различие между риском структурных сдвигов, который предсказуем и против которого страны могут застраховаться через запланированное политическое вмешательство, и риском экономических потрясений, которые могут в меньшей степени поддаваться спланированной политике вмешательства. Последнее может повлиять на первое, и наоборот.

¹ Kautilya wrote in his Arthashastra (circa 400 BC) that, From the strength of the treasury the army is born. An idea that informs Kennedy's theory of 'imperial overstretch' and Ferguson's hypothesis about the 'square of power' in Niall Ferguson, *The Cash Nexus: Money and Power in the Modern World, 1700-2000*, Allen Lane The Penguin Press, 2001.

² 'Conceptualising economic security'(Ch.3) in Sanjaya Baru (2007). p76

В анализе «Глобальные риски 2012» Всемирного Экономического Форума перечисляются пять различных типов рисков — экономический, экологический, геополитический, социальный и технологический¹. Легко увидеть, что не все риски одного и того же типа действий и временной перспективы. В краткосрочной перспективе политика вмешательства может иметь дело с определенными типами рисков.

Таким образом, Европа может сформулировать политический ответ на свой долговой кризис, но мало что может сделать, чтобы компенсировать возможные последствия демографического перехода. «Кризис водоснабжения», который отмечен как пятый самый важный глобальный вызов после «резкого неравенства в доходах», «хронических бюджетных дисбалансов», «роста выбросов парниковых газов» и «кибер-атак» не так легко решить в краткосрочной перспективе, как и другие основные четыре источника риска. Кроме того, способность правительств иметь дело с одним риском зависит от его возможности справиться с другим. Таким образом, «хронические фискальные дисбалансы» можно легче решить, если органы власти имеют политический мандат и волю на возмещение «серьезных диспропорций в доходах».

Нигде взаимодействие между политическими и экономическими рисками более не очевидно, чем в национальной политике. Правительства сталкиваются с экономическими проблемами у себя дома, постоянно взвешивая политические плюсы и минусы различных вариантов политики. В конце концов, это динамика власти, которая формирует выбор. В международных делах тоже есть подобные варианты, которые могут быть сделаны. Политические выборы, такие как военное нападение на Иран, имеют экономические последствия в виде роста цен на нефть. Способность и готовность Германии вмешаться и помочь Греции в такой же степени зависит от экономических издержек такого вмешательства, как и политических издержек и геополитических последствий. Геоэкономика опирается на геополитику насколько экономика опирается на политику.

Мощь во многом зависит от процветания, насколько процветание является функцией власти. Здесь может быть эпизодическое размежевание между ними. То есть, страна может быть в состоянии осуществлять или проектировать больше политической или военной мощи, чем оправдывается истинными экономическими возможностями. Советский Союз 1970-х гг. является хорошим примером. Точно так же процветающая страна может быть в состоянии оказывать влияние сверх своей военной и геополитической мощи. Япония 1980-х гг. является хорошим примером.

Они не смогли выдержать этот дисбаланс между экономической и политической властью, потому что не имели четырех элементов геоэкономической власти.

¹ World Economic Forum, *Global Risks 2012*, Geneva, 2012.